

Содержание

Алена Исахания. Слово Евсевия «О сошествии Иоанна Предтечи во ад». <i>Краткая и пространная редакции</i>	3
Михаил Люстров. Лапландско-мальтийская война и королевская игра «копием». <i>Текстуальные трансформации в русских переводных повестях XVII–XVIII веков</i>	11
Константин Лаппо-Данилевский. Федор Корбя — поэт, шпион, филолог и дипломат	19
Олег Заславский. Заколдованное место как пространство смерти	43
Пуя Vinitky. Dostoyevsky Misprisoned. « <i>The House of the Dead</i> » and American Prison Literature	54
Ольга Макаревич. «Слуги старого века» в произведениях И. А. Гончарова и Н. С. Лескова	77
Александра Чабан. Итоги рецепции русской поэзии 1900 – начала 1910-х годов в «Стихах Нелли»	94
Елена Глуховская. Меланхолический романтик русского символизма. <i>Автобиографический миф Эллы в эпистолярных и поэтических текстах 1912 года</i>	109
Валерий Отяковский. Из полемики вокруг формализма. <i>К. Шимкевич о «Литературном факте» Ю. Тынянова</i>	130
Лада Панова. <i>Внутри горы бездействует... подтекст? К разгадке мандельштамовского кумира</i>	148
Александр Кобринский. Маяковский и прочие. <i>Круг контактов и общения Даниила Хармса во второй половине 1920-х годов</i>	188
Валентин Головин. «Квакинский» вопрос в повести А. Гайдара «Тимур и его команда»	205

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (главный редактор),
О. В. Макаревич, А. С. Пахомова, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (1-2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnâå škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020
© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Alena Isakhanyan. Eusebius's homily <i>On the Descent of John the Baptist into Hell</i> . A short and a long version	3
Mikhail Ljustrov. Lapland-Maltese war and the royal game with a spear. Textual transformations in Russian translated novels of the XVII–XVIII Centuries	11
Konstantin Lappo-Danilevskii. Theodor Corbea – Poet, Spy, Philologist, Diplomat	19
Oleg Zaslavskii. Bewitched place as a Space of Death	43
Ilya Vinitzky. Dostoyevsky Misprisioned. <i>The House of the Dead</i> and American Prison Literature	54
Olga Makarevich. Servants of an Old Age in the works of I. A. Goncharov and N. S. Leskov	77
Alexandra Chaban. The results of the reception of russian poetry 1900 – early 1910s in Nelly's poems	94
Elena Glukhovskaya. Melancholy romantic of Russian symbolism. Ellis's autobiographical myth in epistolary and poetic texts of 1912	109
Valerii Otiakovskii. From discussions around Russian formalism. Konstantin Shimkevich about <i>Literary fact</i> of Yuri Tynianov	130
Lada Panova. <i>Inside the Mountain Idles...</i> the Subtext? Figuring out Mandel'shtam's <i>Idol</i>	148
Aleksander Kobrinsky. Mayakovsky and others. Daniil Kharm's circle of contacts in the late 1920s	188
Valentin Golovin. «Kvakin» question in the story of A. Gaidar <i>Timur and his Squad</i>	205

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,
Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ВАЛЕНТИН ГОЛОВИН
(Санкт-Петербург)

«КВАКИНСКИЙ» ВОПРОС В ПОВЕСТИ А. ГАЙДАРА «ТИМУР И ЕГО КОМАНДА»

Статья посвящена изучению только одного героя повести А. П. Гайдара «Тимур и его команда» — Михаила Квакина. Повесть ни в советскую, ни в постсоветскую эпоху, за единичными исключениями, не рассматривалась как самодостаточный художественный текст: он стал жить в контексте тимуровского движения и это кардинально повлияло на фокус его исследований. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть знаковый образ повести «только от текста» и не только в его оппозиции к Тимуру. Михаил Квакин, как герой повести, анализируется с точки зрения субкультурных коммуникаций, дачных поведенческих моделей, специфики лексики, разнообразных действий и личностных характеристик.

Ключевые слова: Михаил Квакин, А. П. Гайдар, «Тимур и его команда», субкультура, дачный поселок, хулиган.

Информация об авторе: Валентин Вадимович Головин, доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: valentin_golovin@mail.ru

«Kvakin» question in the story of A. Gaidar «Timur and his Squad»

The article contains a study of a character of a boy named Mikhail Kvakin, the leader of the gang hooligans, described in the novel by A. P. Gaidar “Timur and his Squad”. Neither during the Soviet epoch, nor in the post-Soviet era, the novel itself had been considered as a self-sufficient piece of literature possessing an outstanding artistic quality. The novel was a success and became popular only in the context of the Timur movement which radically influenced the focus of research dedicated to this book. This article attempts to analyse the iconic image of the story “based solely on the text” without opposing his character to Timur. Mikhail Kvakin’s character is analysed from the point of view of subcultural communications, dacha behavioural models, specific vocabulary, various actions and personality features.

Key words: Mikhail Kvakin, Gaidar, Timur and his Squad, subculture, country village, bully.

About the author: Valentin Golovin, Ph.D., Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russia.

E-mail: valentin_golovin@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-16-1-2-205-222

«Квакинский» вопрос в гайдароведении решался просто и однозначно. Квакин — хулиган и оппонент Тимура в его общественно-полезной деятельности. При поиске в Google на запрос «Квакин Михаил» уже на первой странице появляется его характеристика: ««Хулиган Квакин является одним из ярких второстепенных персонажей знаменитой повести „Тимур и его команда“ Аркадия Гайдара», и далее приводится цитатный ряд из повести, подтверждающий его негативный образ.

Но само «гайдароведение» обладает одной спецификой. «Тимур и его команда», за редчайшим исключением, не рассматривается как самодостаточный художественный текст, он «живет» в контексте тимуровского движения, и это кардинально влияло и влияет на основной фокус его исследований. Это касается даже современных работ, где отношение к Тимуру не столь однозначно позитивно. Например, Т. А. Круглова рассуждает о том, что «Мир детей поделен на Квакиных и Тимуров, на атаманов и комиссаров. От Тимура исходят простые, чеканные, понятные формулы и поступки. Он как Бог: „Я спал. Он пришел. Я встал. Он послал. Он велел, чтобы мы с тобой спустились вниз“»; «Он сказал все это очень просто, но мурашки пробежали по груди и рукам Жени». Авторитарность Тимура в этих размышлениях выявлена более чем красноречиво («Он как Бог»)¹

Этот же автор в другой статье так характеризует Михаила Квакина и его компанию: «Если Квакин — атаман, то Тимур — командир, квакинцы — расхлябаны и развинченны, тимуровцы — собраны и подтянуты. На досуге компания квакинцев играет в карты позади часовни, «правей картины „страшного суда“ с котлами, смолой и юркими чертями. Реза-

¹ Круглова Т. А. Произведения соцреализма как свидетельства «революции чувств»: Экзистенциальные проблемы героев Аркадия Гайдара // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1. С. 40.

лись на „оживи покойника“, стегая проигравшего крапивой по голым ногам. Игры отсылают к воровским обрядам. Неслучайно выбран и фон — «страшный суд» с нестрашными чертями, ведь в финале повести Тимур и его команда осуществляют суд над малолетними преступниками. Обе группы противопоставлены и по методам борьбы: квакинцы привычно оперируют мордобоем, тимуровцы избегают физического насилия, апеллируя к общественному мнению, когда на будке, где под замком сидят члены шайки, вешают обращение к гражданам. Они действуют с позиции морального превосходства...».¹ Цитата показывает, насколько автор статьи находится в плену педагогических стереотипов и его комментарии никак не поддерживаются текстом повести, а скорее ему противоречат. Почему квакинцы «расхлябаны»? Об этом у Гайдара нет ни слова, наоборот — автор при первом появлении Квакина и Фигуры называет их «молодцеватыми подростками».² Почему игра в карты на «на тычка», «на щелчка» и на «оживи покойника» «отсылает к воровским обрядам»? То, что автор не знаком с многократно описанными детскими игровыми наказаниями, которые бывают и более жесткими (ср. наказания «женить», «лупить», «распинать», «гонять кобылой», «кормить овсом», описанные в вышедшей в 1895 году книге Е. А. Покровского³), не дают ему право бессмысленно отсылать их к воровским практикам. Слова «преступник» в повести нет, тем более сочетания «малолетние преступники». И команда Тимура отнюдь не избегает «физического насилия»: она его практикует или его предполагает так же, как и команда Квакина.

Наша задача — рассмотреть образ Михаила Квакина только в художественном пространстве повести, исключительно как литературного героя, без привлечения педагогических и идеологических коннотаций.

¹ Круглова Т. А. Социально-педагогическое содержание «Тимура и его команды» и система А. Макаренко // Детские чтения. 2013. Т. 3. С. 109.

² Все цитаты из повести А. Гайдара даются по первому изданию: *Гайдар А. П. Тимур и его команда* // Пионерская правда. 1940. №№ 116–126; 128–130.

³ Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной. М., 1895 [Репринтное воспроизведение]. СПб., 1994. С. 61–63.

Если верифицировать привычную «тотальную» отрицательность образа Квакина по самому тексту повести, то реестр негативных характеристик героя окажется состоящим из пяти позиций:

1. Квакин курит.
2. Квакин выломал доску в парковом заборе.
3. Квакин ворует яблоки.
4. Квакин грозит битьем тимуровской команде, он обменялся двумя ударами «по шее» с Гейкой, он кинул яблоко в фонарики осаждавшей его в саду тимуровской команде.
5. Он, будучи плененным, грозит Тимуровской дракой «до смерти».

Казалось бы, к негативным характеристикам персонажа можно было бы отнести его «говорящую» фамилию с «лягушачьими» коннотациями (упомянута в повести 66 раз) и «плоское лицо» (упомянуто один раз). Но кажется, это «родовые» признаки «характерного» персонажа, коим, безусловно, является Квакин, и от них ему никуда не деться. Тем более, что Квакин, так или иначе, противопоставлен Тимуровской с его идеализированным обликом, романтическим именем и «чужеродной» для подмосковной дачной местности фамилией. Кстати, именно Квакин снижает высокую романтическую именитость имени «Тимур», постоянно преобразовывая его в «Тимку».

Каждая из негативных характеристик нуждается в герменевтическом комментарии.

1. Михаил Квакин — подросток (это обозначено автором!), и он действительно один раз в повести «попросил огня» для своей папиросы, но так и не закурил. Больше нигде в тексте его склонность к курению не проявлялась.

2. Доска в новом парковом заборе действительно выломана Михаилом Квакиным, тому есть очевидец — дядя Тимуровский Георгий Гараев. Для чего это было сделано: для более удобного прохода (не надо обходить парк), для его бесплатного посещения — объяснений в повести не дается.

3. В повести Михаил Квакин один раз удачно «пользуется» яблоком в саду в доме 34 по Кривому переулку, откуда мобилизован красноармеец Крюков. Но причина выбора именно этого адреса не в прежнем его обитателе, а в том, что там растет определенная яблоня: «мичуринка» сорта

«золотой налив». На это справедливо указывают члены тимуровской команды. Второй, неудачный и закончившийся его пленением, поход в этот сад был спровоцирован жестким ультиматумом Тимура. В знаковый для повести сад в доме 22 по Большой Васильковской, где жила вдова летчика и его маленькая дочь, Квакин не лазил. Его опустошал Фигура, и Квакин был крайне возмущен этим поступком, за что и сравнил Фигуру с «толстым и поганым чертом».

4. Угроза Квакина побить членов тимуровской команды носит исключительно демонстративный (в контексте подростковой субкультуры) характер: бьет он, на самом деле, только «своего» Фигуру. Описанная Гейкой встреча с Квакиным — с двукратным и взаимным «сунул по шее» — не выявила победителя и была краткой и нерезультативной. Пленение Гейки и Коли Колокольчикова было вызвано крайне оскорбительным ультиматумом и желанием перехитрить своего соперника.

5. Сильное и эмоционально акцентированное раздражение Михаила Квакина в сцене его пленения, дошедшее до желания драться с Тимуром «до смерти», вполне мотивировано. Квакин, как проигравший, спокойно ждал избиения, но Тимур очень жестоко словесно «ударил» его: «Ты смешон. Ты никому не страшен и не нужен». Квакин потребовал отпустить запертых ребят или посадить его вместе с ними. Но Тимур выбрал более жесткий путь — он отпускает Квакина. Это спровоцировало Квакина на достаточно благородный дуэльный вызов: «Бить буду! — злобно закричал он, оборачиваясь к Тимуру. — Бить буду тебя одного. Один на один, до смерти!»

Итак, всего лишь пять негативных конкретных действий и характеристик Михаила Квакина, которые, как мы показали в комментариях, во всех случаях не могут восприниматься однозначно. Можно включить педагогический дискурс и говорить о «невмешательстве» Квакина в недостойное поведение Фигуры над связанным Гейкой, но он, в то же время не вмешивается и допускает драку-валяние «своих» Фигуры и Алешки, когда последний вступает за Гейку. И сделаем не филологический вывод — кто из реальных мальчишек-подростков не пробовал курить, ничего не воровал, не играл в карты (Квакин наблюдает игру) и ни разу не дрался?

И здесь, на наш взгляд, надо сравнивать негативные характеристики Квакина не с подлым поведением «своего» Фигуры, которого он постоянно посрамляет и бьет, а с характеристиками взрослых — по умолчанию «положительных» героев повести. Сестра Жени вздорна, постоянно резонерствует, ревнует Женю к отцу; безосновательно поверив дачным пересудам, она в первой встрече оскорбляет Тимура «негодяем». Она достаточно бесчувственна, так как проводит уезжающего на фронт Георгия Гараева, предмет своей симпатии, простым рукопожатием. Сам Георгий Гараев, не зная Жени, называет ее «дрянью». Их времяпрепровождение также удивляет: Ольга постоянно музицирует на аккордеоне с «дурацкой» песней про «бомбы, пулеметы», а инженер Гараев репетирует роль выжившего из ума старика для любительского оперного исполнения на дачной сцене. Даже такой милейший и вежливый герой, как доктор Колокольчиков, произносит редкий по резонерскому пафосу монолог о труде, заставляя внука целый час держать отвертку в руках, как будто она не может просто лежать рядом. И вообще, он стреляет из ружья (1) в сторону Тимура, приняв его за похитителя всего лишь одеяла. Нет смысла говорить о молочнице, которая только и делает, что постоянно колотит свою внучку Нюрку и разносит по дачному поселку несусветные сплетни. Все вышеперечисленные характеристики взрослых героев обозначены в действиях и лексике в тексте повести, а не в вымышленном и идеологизированном контексте ее восприятия.

Теперь предпримем попытку выделить позитивные характеристики Михаила Квакина:

1. Михаил Квакин, как и Тимур, — непререкаемый лидер одной из дачных подростковых субкультур.

2. Михаил Квакин неоднократно проявляет свое благородство.

3. Михаил Квакин — самый остроумный персонаж повести.

4. Михаил Квакин — безусловно, смелый человек.

5. Михаил Квакин чувствителен, он склонен к ярким и сильным эмоциональным переживаниям.

Как можно увидеть, негативные характеристики персонажа относятся больше к характеристикам действия, а пози-

тивные — к характеристикам личности. Первые прописаны в тексте повести, вторые формируются на уровне читательского восприятия. Описание негативных действий-характеристик Квакина предельно сжато (в некоторых случаях, например, с парковой доской и курением, — на уровне одного-двух предложений). Позитивные черты представлены на несравнимо большем объеме текста в виде действий, монологов и диалогов, мыслительных, эмоциональных и телесных переживаний.

Прокомментируем более подробно позитивное измерение образа Квакина.

1. Квакин как лидер.

Некоторые черты повседневности и ряд локусов дачного поселка в повести свидетельствуют, во-первых, о том, что, скорее всего, это место было таковым и до революции: «прибыл дачный поезд», «старый парк», «старый двухэтажный сарай», разрушенная часовня, названия улиц (Малая Петраковская, Большая Васильковская, Кривой переулок, рыночная площадь). Во-вторых, что в поселке, в котором происходит действие повести, явно сохранились ландшафтные и поведенческие признаки дачной дореволюционной эпохи. Например, гуляние и танцы в парке, прогулки по аллеям, наличие скамеек (не лавок!) у дверей дач, сбор жителей на станции, активная любительская театральная (даже оперная!) деятельность (есть огражденный эстрадный театр), продажа молока кружками, присутствие как интеллигентной дачной публики (врачи, семьи военных, инженеры), так и обслуживающего дачного персонала (возчики дров, сапожники, молочница).¹ Обозначено частотное старое дачное занятие — запускание воздушных змеев, хотя и в новом изводе: Женья запускает картонного парашютиста. Кстати, в дореволюционной дачной жизни среди детей были достаточно популярны «скаутские» практики, которые вполне наследует тимуровская команда.²

¹ См.: Ловелл С. Дачники: История летнего житья в России, 1710–2000. СПб., 2008.

² См.: Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Дачный быт Петербурга в начале XX века // Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Милый старый Петербург: Воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века. СПб., 2007. С. 127–150.

Дачный мир выписан автором очень объемно и представляет собой чуть ли не антропологический источник сведений о дачной жизни конца 1930-х годов. Предложен полный регистр взрослых и детей как по возрастам, так и по родственному и локальному статусу: от дедушек до малышей, от соседей до отдыхающих, от возчиков дров до молочниц и продавцов мороженого. Присутствует достаточно полный реестр дачных занятий: поездки в город, гуляния, покупка молока, мороженого, уборка дач, ремонты, заготовка дров, детские игры, собирание и дарение цветов, купание, загорание, любительское музицирование, любительские постановки и многое другое. Представлено множество типичных дачных локусов: запутанные улицы, сады, огороды, заборы, скамейки, пустыри, овраги, перелески, река, парк, дома, сараи, колодцы, чердаки и заброшенные места. Присутствует и особый дачный обонятельно-зрительный признак — в повести множество действий связано с цветами, кустами, деревьями: «пахнувшая росой и цветами улица»; «Крепко пахло смородиной, ромашкой и полынью». Персонажи повести собирают букеты полевых цветов, в парке растут колокольчики, мальчики сидят на ромашковой поляне, неоднократно упомянуты липы, березы, вишни и, конечно, яблони. Достаточно подробно описывается и дачная одежда: «мелькали яркие, как цветы, платья, блузки и сарафаны», мужчины ходят в белых костюмах и соломенных шляпах, безрукавках, а дети, как мальчики, так и нередко девочки, — преимущественно в сандалиях, в трусах и майке («Это, как он был — в сандалиях, трусах и майке, — Сима Симаков с разбегу кинулся в реку»).

По типологии разговоров и отношений признак «дачности» также очевиден: в повести встречаются разговоры о расписании поездов, о подготовке к любительским театральным постановкам, дачные пересуды и сплетни, симпатии и антипатии, умничанье и пустословие. Регистры «дачности» выписаны очень жизнеподобно. И в этом объемном, густонаселенном, но ограниченном пространстве дачном мире вполне можно предполагать мотивированное появление отдельных, оппонирующих друг другу детско-подростковых компаний, борющихся за лидерство.

Компании Квакина и Тимура разные по сути. Квакинская команда — типичная *локоцентрическая* субкультура, групповое сознание которой мотивируется принадлежностью к определенной жизненной территории и необходимостью в ней лидировать. Это очень точно подтверждается диалогом Квакина и Фигуры, выясняющим, «здесьний» или «не здесьний» дядя Тимура Георгий Гараев. И автор повести достаточно часто разделяет дачников, используя характеристику «приезжий», «здесьний» и «местный житель»: «На полянах разноголосно вопили патефоны, вокруг которых раскинулись *приезжие и местные дачники с питьем и снедью*». Гайдар очень точен в типичных для такой субкультуры номинациях: Квакин и его команда в повседневном словаре дачников — шайка, а ее члены — хулиганы. Квакинская «локоцентрическая» группировка — абсолютно типичное явление для сельской и дачной местности. Ожидаемый и типичный ее «оппонент» — такая же команда, но сконцентрированная в другом месте проживания, например, за рекой, за пустырем, на других улицах. Кстати, и фамилия «Квакин» явно обладает «локоцентричностью»: лягушачье кваканье — одна из главных характеристик локального звукового ландшафта. О нем можно сказать, трансформируя известную пословицу: «Каждая лягушка свое болото (свой пруд) хвалит».

Но команда Тимура тяготеет к другому типу подростковой группировки — *идеоцентрическому*, манифестирующему собственную идентичность на основе какой-то мировоззренческой или эстетической доминанты. Команда Тимура осуществляет общественно-полезную деятельность, старательно помогая семьям военнослужащих, осуществляющих «защиту» родины.¹ И у команды Тимура есть свои пограничные знаки — звезды на тех дачных домах, откуда мобилизованы в армию. При этом надо заметить некоторую ущербность тимуровской идеологии: так, его мало интересует «садовая сохранность» других домов дачников — Квакин не имеет право тревожить только жителей домов со звездами (что

¹ Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: Мегapolis, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 56–70.

обозначено в презентационном диалоге Тимура с Квакиным). Забота тимуровской команды о других жителях дачного поселка (неможных, больных, пожилых, одиноких) в тексте не обозначена. Даже в начальном диалоге с Женей он мотивирует заботу о ней наличием отца-командира (делая это, возможно, в силу начавшейся симпатии):

— А это значит, что из этого дома человек ушел в Красную Армию. И с этого времени этот дом находится под нашей охраной и защитой. У тебя отец в армии?

— Да! — с волнением и гордостью ответила Женя. — Он командир.

— Значит, и ты находишься под нашей охраной и защитой тоже.

Команда Тимура, как и следует идеоцентрической группировке, манифестирует свою деятельность — она обращается к Квакину в форме неприемлемого *ультиматума*, вывешивает *победный манифест* в виде публичного плаката на сапожной будке на рыночной площади. К слову сказать, такая манифестационная деятельность по форме и риторике не вызывает у автора данного исследования позитивной читательской рефлексии в отношении безусловно мужественного, благородного и чувствительного Тимура. Всё-таки форма этой риторики вторична — она очень схожа с пафосной риторикой нот, ультиматумов и передовиц советского государства предвоенных лет.

Ничего идеологического, по большому счету, в оппозиции Тимура и Квакина нет. Квакин — местный житель и безусловный мальчишеский авторитет. Если подросток хочет руководить типичной, хоть и небольшой, разновозрастной группой, то система его действий должна быть именно такой, какую приписал ему автор повести: он должен быть полноценным «хозяином» пространства и оберегать его, он должен постоянно нарушать иерархию «взрослый-ребенок», дабы обозначать свою свободу и независимость. Кроме того, он должен быть не только лидером «по силе», но и обладать другими «авторитетными» качествами, ценными в этой субкультуре. В конце концов, он должен обладать большими признаками «взрослости»: курение свидетельствует об этом. Умелая игра в шахматы, яркое музицирование, искусное огородничество

никогда не позволят лидировать среди сообщества дачных мальчишек — это скорее вызовет восхищение взрослых

В его пространство вторгнулись — он должен его защитить (не сдавать же его без боя). Его действия и свободу пытаются ограничить — он должен снять эти ограничения. Ему дерзят и от него требуют — он должен прекратить это. Одна команда стремится к лидерству, другая его защищает, поэтому конфликт неизбежен: «Тимку бы поймать, излупить надо. Он подобрал себе компанию, и они, кажется, гнут против нас дело». И, несмотря на разность мальчишеских группировок, методы разрешения конфликта у них абсолютно одинаковые — взаимные пугания-предупреждения, оскорбления и мальчишеская драка.¹

Более того, квакинско-тимуровский конфликт развивается по типичному межсубкультурному конфликтному сценарию. Сначала идет презентация лидеров субкультур, манифестация несогласий, затем следует система оскорблений и угроз (ультиматум и ответ на него), взаимных хитростей (пленение Гейки и Коли Колокольчикова, их освобождение и пленение Фигуры); наконец, оппозиция разрушается физической потасовкой в яблочном саду у дома 34, поражением квакинской команды и торжеством тимуровской.

В презентации лидеров субкультур, манифестации их деятельности при первой встрече наблюдается нарочитая ритуальность (или театральность). Лидеры приветствуют друг друга номинациями «атаман» и «комиссар», заметно изменение лексики общения, затем следует угощение украденным яблоком (!) и его принятие, потом обозначение позиций и табуированных пространств и, в итоге, взаимонеприятие условий и объявление угроз:

— Так вот: если ты днем или ночью еще раз такой знак где-либо увидишь, ты беги прочь от этого места, как будто бы тебя кипятком ошпарили.

— Ой, комиссар! Какой ты горячий! — растягивая слова, сказал Квакин.

— Хватит, поговорили!

¹ Головин В. В., Лурье М. Л. Бой на мосту, или с кем воюют подростки // Мир и война: Культурные контексты социальной агрессии. М. 2005. С. 127–134.

— Ой, атаман, какой ты упрямый, — не повышая голоса, ответил Тимур. — А теперь запомни сам и передай всей шайке, что этот разговор у нас с вами последний.

Следует отметить, что оба лидера в этой встрече ведут себя смело и достойно. Никто не выказывает страха: Тимур идет наперерез, а квакинское лицо «не показывало ни удивления, ни испуга»; соперники держались, не повышая друг на друга голос («растягивая слова, сказал Квакин», «не повышая голоса, ответил Тимур»).

Ритуальность и театральность разговора (нарочитая лексика, насыщенная паремиями, факт дарения, лексическая взаимная демонстрация силы) подчеркивает и автор, используя вполне драматургические приемы. После спора о мускулатуре Коли Колокольчикова, достаточно неожиданно, в этой же строке звучит драматургическая ремарка: «Тимур подходит к Квакину». В первой газетной публикации за этим фрагментом следует отчеркивание, после чего начинается описание первой встречи Тимура и Квакина.¹ Более того, в этой сцене присутствуют зрители: сестра Жени с молочницей и наблюдающие с чердака члены тимуровской команды.

Заключая комментарий о Михаила Квакине как главе дачной субкультурной группировки, следует заметить, что его лидерство обосновано отнюдь не наличием физического превосходства. Он также и нравственный лидер. Это доказывает эпизод его диалога с Фигурой у развалившейся часовни с фресками Страшного суда. Диалог показывает, что Квакин не лишен благородства и не чужд религиозных ассоциаций: фреска с чертями и грешниками становится для него декорацией-примером для упрека Фигуре по поводу воровства яблок у вдовы. Он тычет во фреску пальцем и находит в ней похожесть действий и схожесть с Фигурой: «...ты мне хоть и друг, Фигура, но никак на человека не похож ты, а скорей вот на этого толстого и поганого черта».

Также нельзя не отметить постоянную словесную провокацию Тимура в адрес Квакина. Тимур ходит по тонкой грани, используя ультимативные приказы в отношении

¹ *Гайдар А. П.* Тимур и его команда // Пионерская правда. 1940. № 120. С. 4

другого лидера. В первом разговоре он предлагает бежать «прочь от этого места, как будто бы тебя кипятком ошпарили», в ультиматуме «приказываем: не позже чем завтра утром Михаилу Квакину и гнусноподобной личности Фигуре явиться на место, которое им гонцами будет указано, имея на руках список всех членов вашей позорной шайки». В сцене пленения Квакина Тимур просто словесно «бьет лежащего»: «Ты смешон. Ты никому не страшен и не нужен». Такие провокации не могут не вызвать соответствующих реакций у гордого Квакина.

Исходя исключительно из текста повести, без учета идеологических и педагогических наслоений восприятия, можно сказать, что Квакин возглавляет вполне нормальную уличную команду. Да, есть факт курения, воровства яблок и игры в карты (но не на деньги, а на детское игровое наказание «оживи покойника») и пролезания в парк через дыру в заборе. И всё. Более того, из двух описанных членов его «шайки» один, бритоголовый Алешка — безусловно порядочный, честный и смелый человек. Он вступает в драку со «своим», с Фигурой, из-за безнравственного отношения к связанным пленным парламентарам, и сам, будучи плененным тремя тимуровцами, пытается спасти своих друзей «пронзительным свистом». Фигура, конечно, подл, и, возможно, именно поэтому он — постоянный объект остракизма со стороны Квакина и самый избиваемый персонаж повести.

2. Михаил Квакин как благородный герой.

Благородство Михаила Квакина проявляется в очень важных сценах. В первом случае он сравнивает Фигуру с чертом из сцены страшного суда за его воровство яблок у вдовы с маленькой дочкой. В другом — он требует выпустить своих товарищей или посадить его вместе с ними. Более того, он дважды уважительно называет Тимура «гордым».

3. Остроумие Квакина и его интеллектуальное лидерство в своей команде наиболее ярко представлено в сцене принятия тимуровского ультиматума. Квакин намеренно стилизует свою речь, демонстрируя псевдонаивность («Жили-жили, ни о чем не тужили... Вдруг... труба, гроза! Я, братцы, право, ничего не понимаю!..»). Он ёрнически комментирует текст ультиматума: «А какой дальше слог, какие запятые!».

Наконец, нарочито понимает метафору за буквальность («свободу действий»): «То есть в каком смысле свободу? — опять переспросил Квакин. — Мы их, кажется, пока никуда не заперали». Опять подчеркнем сдержанность Квакина — ультиматум написан в приказном и крайне оскорбительном тоне. Ультимативный пыл тимуровской команды снимает квакинский, в какой-то степени даже театральный, комментарий.

4. Смелость Михаил Квакина очевидна: он ни разу не проявляет трусости — ни в сцене первой встречи с Тимуром, ни в сцене атаки на тимуровских ребят в саду дома № 34. Получив отказ и оскорбление он вызывает Тимура на своеобразную мальчишескую дуэль — драться один на один. Он не нарушает законов мальчишеской драки и действует, как Тимур, который также отказывается от помощи ребят и идет на встречу с Квакиным один.

5. За маской лидера группировки, нарушающей «яблочное» спокойствие дачного поселка, скрывается очень чувствительный и эмоциональный герой. Квакин выражает яркую «досаду» по поводу действий своего друга Фигуры, «отрясшего» вдовый сад. Он очень сочувствует и переживает за Тимура, которого несправедливо оскорбила сестра его возлюбленной. Он готов взять вину на себя, а Фигуру, проявившего непонимание, называет «сволочью» и бьет. Выразительная сцена, с ярким и красноречивым жестикуляционным наполнением, показывает, на наш взгляд, сколь сильно его переживание за «врага» и его благородство. Врага оскорбили вместо него: «Наконец Квакин остановился, поднял оброненную фуражку; отряхивая, ударил ее о колено, подошел к мороженщику, взял порцию, прислонился к дереву и, тяжело дыша, жадно стал глотать мороженое большими кусками». Заметим, что Тимур двумя абзацами выше охарактеризован через очень похожие эмоциональные жесты: «А Тимур, трогая рукой стволы деревьев, медленно пошел прочь».

Верификация «квакинского» вопроса на основе герменевтических комментариев отрицательных и положительных характеристик персонажа позволяет не только усомниться в традиционной трактовке образа Михаила Квакина, но и, по сути, отвергнуть ее. Оппозиция Тимура и Квакина, несомненно, присутствует. Но можно ли рассматривать их

конфликт в категориях протагониста и антагониста, сводя отнюдь не простую смысловую структуру повести к противопоставлению «плохих» и «хороших» подростков?

Во-первых, Квакин — сложный герой, и его сравнение с Тимуром не может быть однозначным. Некоторые сравнения, возможно, даже говорят в его пользу. Тимур слишком манифестирует свою роль и свои победы (см. текст ультиматума и публичный плакат на будке с плененными квакинцами) — Квакин, наоборот, до последнего момента, нарочито спокоен. Квакин, в отличие от Тимура («Дочь командира в беде! Дочь командира нечаянно попала в засаду»), лишен пафосности. Он оппонент Тимура по яблокам, но он сочувствует ему и готов содействовать в серьезных личных переживаниях. В отличие от Тимура, он уважает соперника.

Во-вторых, в повести все дети, за исключением малышей, в определении взрослых — хулиганы: что тимуровцы, что квакинцы. Михаил Квакин в повести три раза обозначается устойчивым эпитетом «хулиган Квакин» и все его поступки объявляются «хулиганскими». Но Тимура даже чаще называют хулиганом: молочница («Наверное, такой же хулиган и безобразник»); сестра Ольга дважды («Этот мальчишка — хулиган, а ты глупа»; «К ней привязался какой-то мальчишка, зовут Тимур. Он из компании хулигана Квакина. И никак я его от нашего дома не могу отвадить»); она же называет Тимура негодяем. Георгий Гараев косвенно упрекает Тимура в обучении «хулиганству» («Ольга говорит, что ты учишь девочку хулиганству»). Даже малолетняя сестра Коли Колокольчикова постаралась: «А в спальню к нам вчера какой-то хулиган кидал камнем». И вся тимуровская команда в оценке взрослых дачных обитателей, мало отличается от квакинской — это хулиганы и жулики.

В-третьих, повесть Гайдара не строится по классическому дидактическому сценарию детской подростковой повести, когда «отрицательный» герой в финале исправляется. Квакин в повести не начинает рисовать звезды на заборах — и это, в том числе, создает важный эффект жизнеподобия.

Квакин, как мы постарались показать, — благородный антигерой (негативная номинация «атаман» дана ему Тимуром). И как лидер своей команды, и как нормальный

самолюбивый подросток, он не может и не хочет терять свое лидерство и будет его отстаивать. Он не потерпит многократные словесные унижения и письменные провокации. И нельзя сводить воровство яблок и курение до уровня порока и антигражданских действий, как это делала педагогическая критика — это просто естественное поведение местного подростка, наследующего традицию обязательного противопоставления подростковых группировок внутри одного пространства, в данном случае — дачного поселка. Никаких преступлений Квакин не совершал и о них не помышлял. Повторим, его негативные характеристики относятся больше к характеристикам действия, позитивные — к характеристикам личности. Вообще, в повести среди детей есть только один действительно подловатый персонаж — Фигура. Все остальные герои, дети и подростки, также не совершенны. И тимуровские товарищи не прочь выскочить с чердака командой, чтобы дать «тычка» одинокому Квакину.

Устоявшаяся модель восприятия повести идеализирует отношения взрослых и детей.¹ Но это далеко не так. Детский мир повести Гайдара более естественен, разнообразен и полноценен, чем мир взрослых. В нем есть низкое (подлость Фигуры) и высокое (поступок Тимура — доставка Жени к отцу). Взрослому миру такие оппозиции не нужны. На наш взгляд, Гайдар сознательно дискредитирует мир взрослых, которые ведут себя исключительно по ригористическим моделям (например, сестра угрожает Жене отъездом в город, а дядя — отправкой Тимура к матери) и не способны на искренность. Квакин значительно талантливее в своем актерском мастерстве в сцене принятия ультиматума, чем Ольга со своим аккордеоном и Гараев на сельской сцене в роли сумасшедшего старика с манией защиты границы. Симпатия Жени и Тимура выражается в сильнейшем любовно-эротическом волнении («мурашки пробежали по груди и по рукам Жени, а вечер был теплый и даже душный»),

¹ См. например: Федосеева Н. В. Воспитательный аспект общения в системе «взрослый — ребенок» в произведениях А. П. Гайдара «Чук и Гек» и «Тимур и его команда» // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 147–152.

а у Ольги и Георгия Гараева — преимущественно в обсуждении сестры и племянника.

И повесть, вообще, не об общественно-полезной деятельности и ее противниках, а о сложных, но естественных отношениях детей, включая и любовную линию. Можно сказать, что главное смысловое противопоставление повести — не Тимур и Квакин, а мир взрослых, подчиненный ригористическим и резонерским моделям, штампам восприятия, в конце концов, стратегии неестественности, и мир детей, с естественными чувствами, переживаниями и поступками. В этом едином детском мире образ Квакина обретает особую значимость: его подростковая «обыкновенность» в сочетании с человеческой сложностью и полноценностью, оттеняют, если не нейтрализуют, уникальную «правильность» Тимура. Утрированно можно сказать, что если бы Квакин был не таким, каким его изобразил Гайдар, повести грозило бы превращение в художественно декорированную, но ходульную инструкцию по общественно-полезной деятельности для советских детей. Конечно, эта трансформация была произведена в идеологических и педагогических трактовках произведения Гайдара. Но смогла бы такая инструкция породить реальное «тимуровское движение» — это большой вопрос!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин В. В., Лурье М. Л. Бой на мосту, или с кем воюют подростки // Мир и война: Культурные контексты социальной агрессии. М. 2005. С. 127–134.
2. Головин В. В., Лурье М. Л. Идеологические и территориальные сообщества молодежи: Мегалополис, провинциальный город, село // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 56–70.
3. Круглова Т. А. Произведения соцреализма как свидетельства «революции чувств»: Экзистенциальные проблемы героев Аркадия Гайдара // Международный журнал исследований культуры. 2010. № 1. С. 37–51.
4. Круглова Т. А. Социально-педагогическое содержание «Тимура и его команды» и система А. Макаренко // Детские чтения. 2013. Т. 3. С. 100–113.
5. Ловелл С. Дачники: История летнего житья в России, 1710–2000. СПб, 2008.

6. Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Дачный быт Петербурга в начале XX века // Пискарев П. А., Урлаб Л. Л. Милый старый Петербург: Воспоминания о быте старого Петербурга начала XX века. СПб., 2007. С. 127–150.
7. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. В связи с историей, этнографией, педагогией и гигиеной. М., 1895 [Репринтное воспроизведение]. СПб., 1994.
8. Федосеева Н. В. Воспитательный аспект общения в системе «взрослый — ребенок» в произведениях А. П. Гайдара «Чук и Гек» и «Тимур и его команда» // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 147–152.

REFERENCES

1. Fedoseeva N. V. Vospitatelnyj aspekt obshcheniya v sisteme «vzroslyj–rebenok» v proizvedeniyakh A. P. Gajdara «Chuk i Gek» i «Timur i ego komanda» // Privolzhskij nauchnyj vestnik. 2013. № 8 (24). Vol.2. P. 147–152.
2. Golovin V. V., Lurie M. L. Boj na mostu, ili s kem voyuyut podrostki // Mir i vojna: Kulturnye konteksty socialnoj agressii. M. 2005. P. 127–134.
3. Golovin V. V., Lurie M. L. Ideologicheskie i territorial'nye soobshchestva molodezhi: Megapolis, provintsialnyj gorod, selo // Etnograficheskoe obozrenie. 2008. № 1. P. 56–70.
4. Kruglova T. A. Proizvedeniya sotsrealizma kak svidetelstva «revolyutsii chuvstv»: Ekzistencialnye problemy geroev Arkadiya Gajdara // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kultury. 2010. № 1. P. 37–51.
5. Kruglova T. A. Sotsialno-pedagogicheskoe sodержanie «Timura i ego komandy» i sistema A. Makarenko // Detskie chteniya. 2013. Vol. 3. P. 100–113.
6. Lovell S. Dachniki: Istoriya letnego zhitya v Rossii, 1710–2000. SPb., 2008.
7. Piskarev P. A., Uralab L. L. Dachnyj byt Peterburga v nachale XX veka // Piskarev P. A., Uralab L. L. Milyj staryj Peterburg: Vospominaniya o byte starogo Peterburga nachala XX veka. SPb., 2007. P. 127–150.
8. Pokrovskij E. A. Detskie igry, preimushchestvenno russkie. V svyazi s istoriej, etnografiej, pedagogiej i gigienoj. M., 1895 [Reprintnoje vospromozhdenije]. SPb., 1994